

— Если старший брат не согласен, то я больше не буду об этом говорить. Давайте не будем о грустном. Раз старший брат вернулся в Резиденцию Е, нам нужно это отпраздновать! Побудьте здесь с матушкой, а я пойду на кухню, приготовлю пару блюд, и мы устроим настоящий семейный ужин!

Своим обычным импульсивным характером, Е Цинжань, едва закончив говорить, уже собиралась выбежать за дверь, но Е Цзинжун схватил ее за рукав.

— Не утруждай себя, даже если приготовишь, мы все равно не успеем поесть!

Услышав это, Е Цинжань сразу же опустила плечи, словно подмороженный баклажан.

Она подумала, что Е Цзинжун уже собирается уходить. Неужели быть мужем князя настолько занято, что даже время для семейного ужина не находится?

Е Цзинжун заметил недовольство Е Цинжань и понял, что она, вероятно, неправильно истолковала его слова. Он похлопал ее по плечу и продолжил:

— Скорее собирай вещи, бери то, что сможешь, а что не сможешь — не настаивай. В Резиденции князя у тебя не будет недостатка в еде, одежде и всем необходимом!

Услышав это, глаза Е Цинжань сразу же загорелись. Она широко открыла рот, схватила Е Цзинжуна за рукав и начала прыгать вокруг него, безудержно задавая вопросы. Она совсем не походила на воспитанную девушку, скорее напоминая свободолюбивую птицу, полную энергии и искренности.

— Старший брат, ты серьезно? Мы с матушкой тоже сможем жить в Резиденции князя? Там же живут члены королевской семьи! Говорят, там резные балки, золотые украшения, слуги на каждом шагу и множество служанок!

На лице Е Цинжань появилось выражение мечтательности. Она была еще молодой девчонкой, и ее любопытство и тщеславие были очевидны для Е Цзинжуна.

— Конечно, это правда. Но Резиденция князя Чэн не такая уж роскошная, как ты думаешь. Она просто немного больше Резиденции Е и удобнее. Хватит болтать, иди помоги матушке собрать вещи!

Е Цзинжун похлопал Е Цинжань по голове. Хотя на его лице было выражение легкого раздражения, он был искренне рад.

— Старший брат, ты просто замечательный! Я сейчас же пойду!

С этими словами Е Цинжань, словно проворная ласточка, бросилась к Гэ Сювань.

Но если Е Цинжань была еще молода и неопытна, то Гэ Сювань понимала правила приличия. То, что Резиденция князя принимает Цзиньэра, было естественным, ведь он был мужем князя Чэн. Но как насчет того, чтобы принять еще и членов семьи жены? Если бы это услышали посторонние, это могло бы вызвать пересуды.

Е Цинжань подошла к Е Цзинжуну, поддерживая Гэ Сювань, которая взяла его за запястье и с легкой тревогой прошептала:

— Цзиньэр, это не совсем правильно. Хотя Резиденция князя большая, и места хватит для

двоих, но если это станет известно другим, это может создать тебе проблемы.

Е Цзинжун лишь улыбнулся и, погладив руку Гэ Сювань, успокоил ее:

— Матушка, не беспокойтесь. Князь уже согласился. К тому же, я не боюсь пересудов. С такими мелочами я справлюсь.

Услышав это, Гэ Сювань наконец успокоилась, кивнула с облегчением и, поддерживаемая Е Цинжань, направилась вглубь дома, чтобы собрать вещи.

Е Цзинжун проводил взглядом Гэ Сювань, пока она не скрылась за занавеской, затем подошел к Мин Яню, взял его за руку и повел за собой в боковой двор.

Князь хотел узнать о его детстве? Сегодня он расскажет ему все. Хотя он был скучным человеком, надеюсь, князь не сочтет его рассказ унылым.

Сяо Ецзы, который не мог войти внутрь с Гэ Сювань, покрутился на месте, затем последовал за Е Цзинжуном, насторожив уши и готовясь вставить свои замечания.

Многие страдания его господина остались скрытыми, и он никому о них не рассказывал, даже князю.

Это было неправильно! Если сам господин не мог говорить, то Сяо Ецзы сделает это за него. В конце концов, с поддержкой господина он ничего не боялся.

Когда они подошли к старой, продуваемой всеми ветрами кладовке, Мин Янь подумал, что это было местом, где Е Цзинжун наказывали в детстве.

Но, открыв дверь, он увидел, что помещение было переоборудовано в кабинет, полный книг. От классических произведений до уличных романов — все было здесь. Однако все книги были рукописными.

Открыв одну из них, Мин Янь увидел аккуратный почерк, изящный, но с силой, как и сам Е Цзинжун — мягкий, но с твердостью внутри.

— Если бы не было так сложно, я бы не оставил эти книги здесь. В детстве матушка не пользовалась благосклонностью, и мы получали от Резиденции Е лишь скудные средства, едва хватавшие на пропитание для нас троих. Не было денег на книги, поэтому я брал их в частной школе, переписывал и возвращал.

Е Цзинжун говорил это с полуопущенными глазами, его голос был спокоен, как будто он не придавал значения этим воспоминаниям.

Однако Сяо Ецзы, услышав это, пошевелил ушами, затем всхлипнул и начал жаловаться:

— Господин говорит так легко! Зимой, переписывая книги до глубокой ночи при тусклом свете масляной лампы, глаза болели, а в этой холодной кладовке дуло со всех сторон. Пальцы господина дрожали, покрываясь обморожениями и опухая. Десять лет тяжелого учения — как можно описать всю эту горечь в нескольких словах?

Глаза Сяо Ецзы, круглые как у кошки, снова наполнились слезами. Этот мальчик был словно сделан из воды, и его слезы лились без остановки. Мин Янь хотел сделать ему замечание, но не знал, как начать.

Казалось, будто это он, Мин Янь, обидел мальчика.

— Сяо Ецзы, хватит болтать! Разве я заставлял тебя переписывать книги? Смотри, как ты расстроился!

Е Цзинжун, словно вспомнив что-то забавное, улыбнулся и погладил Сяо Ецзы по голове. Но это лишь усилило обиду мальчика, и его плач стал еще громче.

Однако он плакал не из-за того, что помогал переписывать книги — он делал это добровольно. Его обида была в том, что господин назвал его почерк уродливым, как будто его писал пес, и сказал, что он просто тратит бумагу. С тех пор господин больше не позволял ему переписывать книги, а дал несколько черновиков и заставлял его практиковаться.

Сяо Ецзы был непоседой, и сидеть на стуле под присмотром господина было для него настоящей пыткой. Он постоянно вертелся, ерзал и не мог сосредоточиться, поэтому так и не достиг успехов в каллиграфии.

Но Сяо Ецзы не считал свой почерк уродливым. Он был просто немного кривым, но все же разборчивым, хотя и требовал некоторого усилия для чтения.

— Нет... Нет, я не обижаюсь. Я просто переживаю за господина. У него остались последствия от обморожений, и зимой пальцы болят. Но господин не бережет себя, продолжая играть на цитре до крови, даже с перевязками на пальцах.

Сяо Ецзы, не думая, выпалил все, что было на уме. Его лицо было заплаканным, но он рассказал обо всех страданиях, которые перенес Е Цзинжун.

Услышав это, Е Цзинжун был крайне раздражен. Он хотел что-то сказать, но, увидев, как мальчик плачет, лишь вздохнул и промолчал.

Мин Янь понимал, что Сяо Ецзы говорил это для него. Его глубокие глаза наполнились болью, и он сжал брови.

Он махнул рукой, отпуская Сяо Ецзы, и когда мальчик закрыл дверь кладовки, Мин Янь резко подошел к Е Цзинжуну и крепко обнял его, сжимая так сильно, что плечи Е Цзинжуна заболели.

Глаза Мин Яня покраснели, и его голос стал жестким.

<http://bllate.org/book/16632/1523672>